

Алена Яворская

Приморский бульвар в литературе

Наброски

В начале двадцатых годов прошлого века ходил в Одессе такой анекдот:

Приезжий из Харькова подзывает извозчика и командует

– На бульвар Фельдмана.

– Куда?

– На бульвар Фельдмана.

– Куда-куда?

Пассажир, раздраженно:

– На Николаевский бульвар.

Извозчик задумчиво:

– И кто б мог подумать, что покойный император был евреем...

Итак – бульвар Николаевский, Фельдмана, Приморский. В воспоминаниях Василия фон Роткирха приводится еще одно название – Ришельевский. Самое красивое название, жаль, что больше никто и нигде его не упоминал.

Это первое, что видели путешественники, подъезжающие к Одессе с моря.

А те, кто подъезжал через городские заставы, шел смотреть, что такого есть в новом городе. Одним из первых описал бульвар в 1810 году князь Иван Долгорукий в книге «Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда»:

«Против рядов устраивается бульвар. Градоначальник здешний (герцог де Ришелье. – А. Я.) превеликий охотник до садов

И.М. Долгорукий. 1782 г.

и пристрастен к здешним растениям: он с особливым тщанием требует, чтоб по некоторым улицам и перед домами рассаживали деревья; многие принялись с успехом и украшали бы очень город, если бы пыль не портила зелени: все листья ею покрыты так, что трудно свежий цвет разглядеть».

Николай Мурзакевич в «Одесской старине» писал, что бульваром Одесса обязана Михаилу Семеновичу Воронцову, и достаточно иронично отзывался о памятнике Дюку:

«...вокруг города была построена при земляном рудете

тоже казарма, продержавшаяся только до 1823 года, когда прибывший <...> граф (впоследствии князь) М.С. Воронцов сделал окончательное распоряжение о сносе казармы и о разведении на ее месте бульвара, с раздачею мест желающим под застройку их хорошими домами. Таким образом явилась прекрасная линия роскошных домов <...>

Полукруглая площадь, разделяющая бульварную улицу и самый бульвар на две половины, украшена в 1827 году бронзовою статуею герцога Э.О. Ришелье работы академика Мартоса, к сожалению, несообразно с климатом представившего европейского генерала в римской тоге, берете и со свитком бумаги в руке».

В 1828 году побывал в нашем городе англичанин Эдвард Мортон. Бульвар описан в его книге «Одесса, какая она есть»:

«Новый бульвар имеет чрезвычайно выгодное местоположение и прекрасный облик. Его протяженность составляет около полумили. Еще недавно здесь стояли разрушенные казармы и дома для бедноты. Но со временем внешняя красота и практические преимущества этого места были должным образом

оценены состоятельными одесситами. Сейчас бульвар застроен одним рядом домов с видом на море. Большинство из них имеют внушительный вид, и если бы соблюдался единый регулярный план застройки, то образовался бы великолепный архитектурный ансамбль. Но каждому человеку, взявшему здесь участок, разрешено было строиться по своему вкусу, в результате чего появились строения различной высоты, размеров и назначения.

В том числе и склад зерна! Возле него происходит постоянная загрузка или разгрузка фургонов, что создает вечные неудобства живущим поблизости горожанам. В центре бульвара на высоком пьедестале из красного гранита установлена бронзовая статуя герцога де Ришелье – заслуженная дань любви и уважения жителей Одессы покинувшему их губернатору. Но памятник так плохо выполнен, что, как говорят, имеет сходство с кем угодно, но только не с герцогом. Широкий путь для карет пролегает рядом с домами. Вдоль него высажены ряды молодых акаций. Образовавшаяся между ними аллея покрыта песком, взятым на морском берегу.

В северо-западной части бульвара находится новый дом графа Воронцова. <...> Это большое светлое здание, окруженное английским садом. В качестве ограды установлена красивая литая решетка работы петербургского мастера Бэрда (это первая металлическая ограда в Одессе). С противоположной стороны от парадного входа расположены графские конюшни. Дворец, впрочем, имеет один существенный недостаток, а именно: расположен так низко, что с бульвара видна только верхняя его часть, отчего создается впечатление, что он подтоплен».

Сравним впечатления путешественников 1830-х годов. Восторженный Иван Бороздна замечает: «Приморский бульвар – истинно очаровательное место: он любимое гульбище одесских жителей и путешественников». Это в прозе. А «Поэтические очерки Украины, Одессы и Крыма» – его «письма в стихах» – объясняют очарование бульвара, точнее, дам, прогуливающихся там:

Мы шли, бывало, на бульвар,
Где под навесами акаций
Бессмертный Ришелье стоит
И зорко на море глядит!

Там видел я и Муз, и Граций,
Перелетавших предо мной
Неуловимую мечтой!
Там мне встречались: и гречанка,
Афин прекрасная беглянка,
И дева Тибрских берегов,
И прелесть тамошних краев.

Ему вторит Владимир Бенедиктов в стихотворении «Одесса»:

А бульвар? – Приволье лени,
Где сквозь внешний аромат
По ковру вечерней тени
Ножки легкие скользят.

А вот Павел Морозов описывает не прелести дам, а красоту бульвара:

«Нельзя также без удовольствия смотреть на Одессу, подъезжая к ней от Николаева: в этом случае взор, устремленный к западу, останавливается на красивых домах Приморского бульвара, на лесе мачт, и пленяется разнообразными видами залива.

Не в дальнем расстоянии от Карантина находится место, которое одесские жители с гордостью показывают путешественникам: оно известно под названием Приморского бульвара. Представьте крутую гору, подошва которой омывается морем, а вершина служит основанием ряду огромных домов, выходящих из-за аллей белых акаций, и вы будете иметь понятие об этом превосходном гульбище. Если хотите дать более точности картине, нарисованной теперь вашим воображением, озарите оную блеском полуденного неба, и пускай под вашу кисть родятся группы гуляющих, красивые экипажи и великолепная поверхность моря, усеянная судами разных наций.

Примечательнейшие здания Одесского бульвара – дом графа Воронцова и дом Присутственных мест. Жилище начальника Новороссийского края стоит не рядом с прочими домами, но выдается к морю и соответствует середине аллеи белых акаций. В симметрии с домом графа Воронцова строится

здание весьма красивой архитектуры: оно посвящено гению, покровителю Одессы – всемогущей торговле: здесь будет помещена биржа».

Но дадим слово и самим дамам, чьи ножки легко порхали по бульвару.

Олимпиада Шишкина и ее спутницы «с полным восторгом насладились прохладным морским воздухом и очаровательною картиною древнего Понта с балкона «Петербургской гостиницы», над славным здешним бульваром из белых душистых акаций, к сожалению, давно отцветших», – так писала она в своих «Заметках и воспоминаниях путешественницы» в 1845 году.

Живые картины бульвара в повести «Теофания Аббадждио». Ее автор – русская Жорж Занд Елена Ганн-Фадеева.

«...густые аллеи бульвара, опушая край обрыва гирляндами цветущих деревьев и кустарников, тянутся до другого здания, не огромного в размерах, но изящного по архитектуре, и длинной галерее с колоннами, которая составляет нечто общее с первой. Посреди бульвара на площадке стоит бронзовая статуя, изображение строителя города; сирень, черемуха, акация и дикая олива разливают упоительный аромат в воздухе; в их ветвях вечно играет освежительный приморский ветерок; а внизу, у двух гаваней, колеблются суда всех наций, чернеют, как безлиственный лес, ряды матч и канатов, порой белеют паруса только что прибывших кораблей, клубятся облака дыму из труб пароходов и пестрые флаги реют разноцветными лентами в воздухе.

Едва начинало вечереть. Горожане толпились на бульваре, меж ними бегали отдельными рядами италийские артисты; курили сигары, порою щебетали какой-нибудь речитатив и громко разговаривали, жестикулируя, как на сцене. Музыка, прогремев торжественный полонез, который, как отзвук вечности, раздается неизменно на одесском бульваре многие и многие годы, заиграла столь же постоянный вальс...»

Подробнее всего живописал бульвар и все события, с ним связанные, Осип Чижевич в «Записках старожил»:

«В 1836 г. кончалась постройкой колоссальная бульварная лестница. Нижняя часть Николаевского бульвара представляла

скалистый обрыв. Вблизи моря с левой стороны от лестницы торчали скалы, на которых раздевались купающиеся.

Памятник Дюка де Ришелье уже стоял на теперешнем месте. Возле него ежедневно скоплялась толпа приезжих мужиков-чумаков, считавших долгом пойти поглазеть на Дюка. Однажды в толпе нашелся грамотный остряк. На вопросы чумаков, почему это Дюк в левой руке со стороны городского дома, в котором находились присутственные места, держит сверток бумаг, а правую рукою указывает на море, — остряк объяснил, что Дюк говорит: «Як маеш там судиться, то лучше в морі утопиться».

Осип Чижевич

О том, что у чумаков была традиция смотреть на памятник, писал Юзеф Дунин-Карвицкий в «Воспоминаниях волынца»: «Приехав в Одессу и сыпав пшеницу в купеческий хлебный амбар, чумаки отправлялись на Старый базар, чтобы за пару польских золотых купить рожков или так называемого святоянского хлеба в качестве гостинца для детей, а позже в обязательном порядке большой толпой шли на красивый городской бульвар посмотреть на море и на памятник герцогу Ришелье, основателю Одессы, которого все называли Дюком» (перевод Стеллы Михайловой).

Одесские легенды сохранили и такой отзыв чумаков о памятнике Ришелье: «Стоить там якийсь гадюк з трьома дочками» (горельефы с трех сторон памятника).

Вернемся к воспоминаниям Осипа Чижевича. Обстрел Одессы во время Крымской войны:

«Биндюжники, подвозившие снаряды на волах, бросили биндюги и убежали. Нашлись, однако, смельчаки, студенты Диминитру,

Пуль и Скоробогатый, впоследствии георгиевские кавалеры, которые сбежали по бульварной лестнице и под градом бомб подошли к биндюгам и отвезли снаряды к Щеголеву на батарею.

Понятно, что бульвар и ближайшие улицы были пусты, только несколько военных по службе и любопытных, в том числе и я, выглядывали из-за углов домов на все происходившее. Но когда одно ядро попало в пьедестал памятника Ришелье и осколки рассыпались по площади, то мы упрятались совсем в переулок. Было очевидно, что неприятель не желал разрушить города. <...> Получив от военного губернатора Крузенштерна поручение освидетельствовать повреждения для определения убытков частных лиц, я нашел, что на бульваре более других пострадал дом князя Воронцова. В канцелярию генерал-губернатора и дом Маразли тоже попало несколько ядер. В доме Столыпина (потом – графа Строганова) ядро, пробив стену и прыгая в зале по паркету, испортило его, а также повредило зеркала и мебель. В «Лондонскую» гостиницу, принадлежавшую Каруте, попало несколько ядер, наделавших много вреда».

Есть несколько анекдотических историй о похищении пушки, стоявшей на бульваре. По одной – ее вывезли за город чумаки, которым заплатил за это неизвестный шутник. Вторая – о поисках свидетеля похищения. Объявлена награда. Приходит некто, заявляющий, что может за вознаграждение указать свидетеля. Получив вознаграждение – указывает на памятник Дюку.

Впрочем, тот же Чижевич рассказывает со слов истинного виновника и называет его фамилию – Иван Захарович Постиников:

«– Сижу это, знаете, я, – слегка и презабавно пришептывал он, рассказывая это мне, – в этой библиотеке, и досада такая разбирает, особенно когда эта проклятая пушка на бульваре в полдень грянет (Полдень возвещается и до сих пор в Одессе выстрелом из пушки, стоящей против монумента герцога де Ришелье. В ту пору знак к нему подавался из дома графа Воронцова по находившемуся там хронометру. – **Прим. автора**) <...> И возымел я к этой пушке ненависть лютую; погублю тебя, шельма, решил я это, знаете, внутренне. Вот я этак ночью, часу в третьем, и отправился на бульвар; кол, знаете, на котором она на цепи с замком привязана была, вытащил совсем из земли, ухватился за эту

цепь и потащил на двух ее колесах вдоль бульвара в биржевой сад. А там, помните, одно только название, что сад; пустырь с кое-какими акациями, бурьяном да колючками поросший. Я ее в этот самый репейник густой-прегустой, в самую чашу, и ткнул; руки даже себе наколол... <...>

Александр Андреевич Шостак, полицеймейстер доносит о происшествии: «Необыкновенное, мол, обстоятельство – пушка с бульвара пропала». – «Как пропала?» – «Так и пропала, ваше сиятельство, не могут отыскать»... Тут старик мой пришел в такой гнев, что я чуть со стула моего не свалился; накричал на Шостака самым ужаснейшим манером, хрипит даже от злости! – «Отыскать, отыскать и узнать непременно, кто позволил себе это сделать и с какою целью». – «Я уже распорядился», – говорит Шостак совсем уже перепуганным, слышу, голосом. А тот ему на это: «Я ваше распоряжение после этого происшествия в грош не ставлю; я сам наряжу следствие. *Posnikof, come in!*» Вот тебе и раз! Однако я ничего, обдернулся, вхожу: «Что прикажете, ваше сиятельство?». А у него даже губы дрожат. «Вот, – говорит, – что позволяют себе делать в городе, пушка с бульвара пропала!» Я повел очами к небу, развел руками и тут же головою поник: ужасно, мол, ваше сиятельство! – «Наряжаю тебя произвести строжайшее следствие по этому бесчинству»... <...> Я опять вздохнул из всей груди и приложил руку к сердцу, – как это, мол, ни тяжело мне, но я на все готов для исполнения воли вашего сиятельства. <...>.

– Что же, – перебил я на этом месте Ивана Захаровича, покатываясь со смеху, – вы так действительно и производили следствие, и успешно?

– По всем правилам искусства. Все начальство к следствию привлек: полицеймейстера, коменданта, градоначальника, начальника инвалидной роты, управляющего таможеню и карантинное начальство; бланки себе особенные велел отлитографировать с заголовком: «Чиновник по особому поручению его сиятельства главного начальника края, производящий следствие по делу о пропаже с одесского приморского бульвара сигнальной пушки»; трех писарей из канцелярии вытребовал, по шестидесяти номеров исходящих в день выпускал.

–И нашли виновного?

– Остался неизвестен.

– А пушку?

– Я же сам ее дня через два из биржевого сада обратно притащил и на место поставил, только жерлом не к морю, а прямо направив его на люк бронзового дюка: берегись, мол, неравно выпалю!»

Бедный Дюк! Даже приехавший в Одессу реб Хаим-Шулим Фейгес сомневался в его существовании: «Прежде всего он велел везти себя на бульвар. Доехав до монумента, реб Хаим-Шулим, не слезая с брички, внимательно его осмотрел. «Да, Дюк (Так в простонародии называется статуя герцога де Ришелье.) действительно стоит», – сказал он про себя тихо, слез и стал на бульварной лестнице. Вперив глаза в гавань, усеянную мачтами, он опять произнес шепотом: «Да, корабли настоящие».

Это из повести Осипа Рабиновича «Как реб Хаим-Шулим Фейгес путешествовал из Кишинева в Одессу».

Сегодня благодаря переводам Стеллы Михайловой мы можем прочесть и впечатления польских путешественников. Юзеф Игнаций Крашевский написал книгу «Воспоминание об Одессе, Едисане и Буджаке». И бульвар в его дневниках – живой, шумный, многоплеменной и многоязычный:

«17 июля 1843 года. Бульвар был заполнен евреями в их черных одеждах. По пятницам и субботам он служит им местом прогулок.

Большая часть евреев и евреек уже одеваются, как все остальные жители. Ермолки видны только у стариков. О происхождении евреек догадываешься лишь по какому-то смоделированному ими головному убору, который не так выделяет их, как наших еврейских женщин, – жемчуга, накладки и другие обычные принадлежности.

Осип Рабинович

Еврейские дети из местной школы, взбираясь на пьедестал памятника Ришелье, читали по слогам надписи на нем.

18 июля 1843 года. Вечером пробежался по бульвару. Оживлял его новый наплыв людей, новое воскресное движение. Два раза в неделю играет военная музыка у памятника Ришелье. В это время на площади перед ним собирается много экипажей, бульвар заполняет огромная толпа прохаживающейся публики высшего общества и среднего класса. Тут наверняка встретишь знакомых (если они у тебя есть), тут самые последние наряды и самые модные шляпы. Толчея иногда бывает такой силь-

Юзеф Игнаций Крашевский

ной, что, только постоянно помогая себе локтями, можно протолкнуться через эту двигающуюся и разноцветную толпу. Военные, иностранцы, морские офицеры, женщины, старики, дети, подростки – все живо беседуют, живо прохаживаясь вдоль бульвара. Мужчины, как везде, так и здесь, курят сигары <...>.

Два раза в неделю в вечерние часы бульвар является сосредоточением лучшей части городского населения. В другие дни лишь редкие прохожие, играющие здесь дети, отдыхающие старцы и няньки с детьми на руках выходят поглядеть на зеленое море. Но из этой толпы, которую здесь собирает обычай, скорее даже мода, а не потребность прогулки и красивого вида (ибо почему же так мало здесь людей в будние дни?), никто на море не смотрит, все только друг на друга. Перекрещиваются разговоры, подобно разговорам у подножия Вавилонской башни.

– Come sta, signore? Buongiorno!

– Wir fuhren bis spät in die Nacht hinein, mussten aber doch endlich einkehren, denn so eben...

– La mer, madame, la mer, comment la trouvez-vous ? Merveilleux, n'est-ce pas ?

– A pszenica tylko po dwanaście. Jaka? Biała. Ja mam czerwoną...

– Spodziewają się jednak... Jak się masz? (Это наши.)

– Как поживаете, Иван Александрович? В добром ли здравии?

– Слава Богу!

– How do you do, my dear?

А грек прерывает на новогреческом, а турок на турецком, а караим на татарско-ногайском, а черкес на одном из многочисленных диалектов Кавказа. И бог знает на каких еще разных национальных языках!»

Похожа ли Одесса на американские города? Да, если верить Марку Твену. И он же опозорил на весь мир скупых одесситов – со слов оставшегося неизвестным экскурсовода (В этот раз слава Герострата безвестному одесситу не досталась. Да и был ли рассказчик одесситом? Очень сомнительно!):

«...бронзовая статуя герцога де Ришелье, внучатого племянника прославленного кардинала. Он стоит над морем на широком красивом проспекте, а от его подножья вниз к гавани спускается гигантская каменная лестница. В ней двести ступеней, каждая пятидесяти футов длиной, и через каждые двадцать ступеней – просторная площадка. Это великолепная лестница, и когда люди взбираются по ней, они кажутся издали просто муравьями. Я упоминаю об этой статуе и лестнице потому, что у них есть своя история. Ришелье основал Одессу, отечески заботился о

Марк Твен

ней, посвятил ей свой изобретательный ум, умел мудро рассудить, что послужит ей на благо, не скупясь отдавал ей свое богатство, привел ее к подлинному процветанию, так что она, пожалуй, еще сравняется с величайшими городами Старого Света, на собственные деньги выстроил эту великолепную лестницу и... И что же?! Люди, для которых он столько сделал, равнодушно смотрели, как он однажды спускался по этим самым ступеням – он был стар, беден, у него ничего не осталось, – и никто не помог ему. А когда много лет спустя он умер в Севастополе, почти нищий, всеми забытый, они устроили собрание, щедро жертвовали по подписке и вскоре воздвигли этот прекрасный памятник – подлинное произведение искусства».

Вернемся к польским путешественникам. В 1872 году польский еженедельник «Tygodnik ilustrowany» посвящает нашему городу большую статью.

«Есть в Одессе также и биржа, так как биржа – это святыня купцов, а из купцов состоит этот город. Это очень красивое здание является делом рук архитектора Боффо и располагается в самом оживленном месте города – на бульваре. <...>

Если бы не пылевые бури и ветра, господствующие в этих местах, если бы меньше было позерства, которое можно увидеть на улицах и в ежедневной жизни, и если бы, наконец, было бы больше просвещенности среди слоев местного общества, то Одесса, несомненно, занимала бы не последнее место среди европейских городов.

Бульвар, с которого к морю устремляется лестница, является самым поэтическим местом. Все жители города устремляются сюда вечером, чтобы порадовать себя чудесным видом звездной ночи».

О привычке – вернее, традиции одесситов гулять на бульваре и назначать здесь свидания писали многие. Одно из первых описаний Одессы в украинской литературе принадлежит Ивану Семеновичу Нечуй-Левицкому. В повести «Над Чорним морем» именно на бульваре встречаются герои. И почти вся глава описывает жизнь бульвара – кофейни, оркестр, толпы гуляющих. И упоминаются впервые не только акации бульвара, но и чинары – они же платаны, дерево-бесстыдник:

«Паничі дійшли до широких кам'яних сходів, що спускаються з спадистої невисокої гори, неначе широке розстелене полотнище.

Иван Нечуй-Левицкий

Всюди по сходах вештались пани з простирадлами в руках, обвитих ремінцями, панії з гарненькими плетеними кошиками в руках, з котрих витикались вишивані рушники та тонкі простирадла. На верхніх східцях вгорі сиділи густими рядками няньки з дітьми, мамки та усякі міщани, неначе кури на сідалі. Паничі вийшли на верх сходів, неначе вилізли на якусь башту: вони аж обливались гарячим потом.

– Сідаймо тут коло кофейні та нап'ємось чаю, – сказав Мавродін, – нема спроможності йти додому.

– То й сідаймо, – обізвався його товариш Комашко, одса-

пуючи, – в мене усе тіло розімліло.

Вони сіли коло столика, що стояв з самого краю недалечко од сходів, коло самісінького кам'яного низького парапету. Парапет стояв над мурованою стіною, а під стіною на терасі гори коло самісіньких сходів розстелявся парк з миршавих акацій; в садку жовтіли доріжки й стежки, що вилися до літнього дерев'яного театру. Комашко впав на стілець, сперся на широкий мурований парапет і дивився вниз на терасу, засаджену акаціями, на людей, що вештались внизу по стежках. Мавродін покликав служника, котрий вибіг з кофейні, гарної, як мавританська капличка. Слуга приніс чай. З-під напнутої над столиками та стільцями парусини було видно усей бульвар понад горою, на котрому вешталась подекуди публіка. Через парапет було видно усей залив, широку далеч синього моря, обидва порти; з одного боку заливу було видно плисковату Пересип над морем, з другого боку заливу піднімалась висока гора Ланжерон, котра вганялась в море.

<...>

– Оце перейшла бульвар, та як глянула на убори одеських дам, то трохи не осліпла! – сказала Саня. – Рябо, червоно, зелено, жовто, синьо й усяково. Йде проти нас здорова огрядна купчиха єврейка. Пописана й помальована, неначе індійський ідол. Я на її постаті налічила вісім кольорів! Подумайте собі: сукня ясно-червона, накидка темно-зелена, на шиї разок товстих круглих коралів і золотий здоровий медальйон на товстому золотому ланцюжку, ще й зверху рожева стрічка з довгими кінцями до пояса; на грудях синя стьожка: через усі груди до пояса теліпається золотий ланцюжок, а серед грудей зверху на гудзику вона причепила золотий годинник, неначе орден якогось індуського лева або тигра. На голові чорний парик з начосами, а на парику копиця жовтих та червоних рож, а зверху стримить чорне перо. Прикиньте до того білі черевики з срібними застібками – і вийде американський парадовий індієць! Ну і вподобав убранні в тутешніх дам! неначе в Константинополі, абощо.

– Мішанина східних та й європейських рас – мішанина й європейського з турецьким, – сказав Комашко.

<...>

На бульвар налінула публіка, неначе полились хвилі з моря. Народу натовпилось такого багато, що ледве можна було протовпитись. Прислуга в кофейні бігала, вешталась, мов несамовита; в її руках ніби літали стакани з чаєм та кофієм, з кухлями пива, з тарілками мороженого.

<...>

Небо над морем неначе жевріло. Почало сутеніти. На бульварі засвітили газове світло. Світ залив бульвар, кофейню, сходи. Публіки набралось сила. Коло самих сходів в дерев'яному кіоскові заграли військові музики. Купи людей ніби стрепенулись. Розмова стала голосніша й чутніша, ніби десь загув рій в улику, стривожений людською рукою. Усе суспільство повеселішало. На невеличкому плацу коло музик стовпився народ, неначе на ярмарку. По алеї сунулась така густа, ніби суцільна маса народу, що й протовпитись було трудно. Бульвар для гуляння дуже малий на Одес.

Довгими рядками товпились без смаку убрані смугляві дами, гостроносі, з східними грубуватими пружками лица. Подекуди рябіли ясні костюми українські, мішані з смугастими молдавськими

та болгарськими. На заливі, в закутку коло берега, ще лисніло рожевим світлом широке плесо. Море стало вже чорне. Воно ніби дрімало, засипало. В обох портах заблищало на кораблях світло. Залив згодом став ніби вкритий здоровими зорями. Далеко-далеко на ріжку в карантинній пристані тихо повертався ліхтар на маяку, кидаючи на море, на порти то ясно-червоний, то зелений, то синій, то жовтий світ.

Внизу за парапетом бульвару, з садка, що розрісся по терасі, заблищали газові ріжки. Вгорі на бульварі, внизу в садку, в портах і далеко на морі – скрізь лилося багато світлу, перемагаючи догору чорне небо. Надворі стало свіжіше. З моря потягло тонкими пахощами морської води. Скрізь світ, блиск, шум, гам, гомін, веселість! Гук оркестру зверху на бульварі перебивав гук музик внизу, коло літнього театру. Все це зачіпало й ворушило нерви. Люде забували турботи дня, клопоти життя. Наші знайомі панни та паничі довго сиділи й балакали. Усім було гарно, приємно й весело. В очах у всіх світилась радість; то був час спокою, спочинку.

<...>

Несподівано схопився з моря вітер. Засипаюче море неначе зітхнуло й дихнуло міцними грудьми на берег. Вітер дмухнув на бульвар. Широкі полотнища парусини заметлялись над столами та головами публіки. Парусина бахкала, надувалась, коливалась, неначе хотіла зірватись з шнурів. Акації й чинари зашелестіли, газові ріжки замиготіли. Стрічки на дамах заметлялись. Подекуди злітали брилі з голів і падали на публіку. Публіка заворушилась і почала розходитись. І знов вітер несподівано впав так швидко, як і схопився, неначе море позіхнуло раз, другий спросоння та й знов заснуло».

О привычке одесских дам прогуливаться по бульвару писал Александр Куприн в рассказе «Акация»: «Она считает признаком хорошего тона ходить каждый день на Николаевский бульвар или на Дерибасовскую и толкаться там бесцельно в человеческой тесноте и давке три или четыре часа подряд, щебеча и улыбаясь».

Правоверные евреи в конце XIX века утверждали, что за сто двадцать верст от Одессы уже начинается геенна огненная, и евреи Одессы отходят от заветов предков. Так считает и герой романа Шолом-Алейхема «Фишка хромой»:

«– Послушай, Ионтл! – сказал я ему однажды, когда он мне здорово намял бока, указывая издали на бульвар, по которому гуляло множество людей и к которому он, как я заметил, почему-то не решался подойти поближе. – Ничего не скажешь, Одесса, конечно, город красивый... Жаль только, право, что людей здесь нет! Посуди сам, можно ли здешних жителей назвать людьми? Разве люди так одеваются, так живут? Ты взгляни только, как на твоём бульваре мужчины ходят с бабенками под руку! Ведь это же срам! Евреи бреют бороду, женщины не носят париков, сзади у них волочится кусок платья, которым они улицу подметают, а спереди такой вырез, что вся грудь наружу. Фи, смотреть противно!.. Вот жили бы здесь наши евреи, глупские евреи, – тогда бы это был действительно город, и вид был бы у него приличный, и все бы здесь велось по-нашему, по добрым нашим обычаям, как полагается...»

Как известно, к Одессе очень по-разному относятся: кто-то восторгается, кто-то ненавидит. Как иллюстрация – два впечатления. Первое – героя повести Алексея Свирского «Рыжик»: «Один раз совершенно неожиданно забрел он на Приморский бульвар и впервые увидел море. Трудно передать, что сделалось с Рыжиком, когда перед его взором расстелилась необъятная сверкающая равнина моря. Санька стоял подле памятника Ришелье, на первой ступени гигантской каменной лестницы. Он находился в самом лучшем и красивейшем уголке Одессы, но это его мало трогало. Он не обратил почти никакого внимания на прекрасный бульвар, на памятник и на колоссальную знаменитую лестницу. Море, живое, огромное и трепещущее, поглотило все его внимание».

Леонид Андреев

И совершенно иное – у Леонида Андреева в очерке «На юге»:

«Еще с детства, когда я изучал географию, я твердо выучил на память и никогда не забывал следующего поразительного факта: «город Одесса замечателен своим портом и белой мраморной лестницей, спускающейся с высокого бульвара прямо к морю». Эта белая мраморная лестница, купающая свои ступени в синих морских волнах, так плотно засела в мою голову, что никогда не мог я вспомнить Одессы, увидеть одесской газеты и поговорить с заезжим одесситом, чтобы не вспомнить о ней.

<...>

Мы долго шатались по Николаевскому бульвару, слезали вниз, влезали и все никак не могли найти лестницы. Так как становилось уже поздно, то я обратился к одному из прохожих одесситов с просьбой указать, где находится мраморная лестница. Одессит радостно улыбнулся и указал пальцем.

– Вот она.

Это была дрянная узенькая лестница из какого-то серо-грязного камня. Ступеньки ее были оббиты, и кое-где стояли лужи.

Опровергает скептицизм Андреева восторженный гимн Одессе и ее зданиям Владимир Жаботинский в повести «Пятеро»:

«Направо стройная линия дворцов вдоль бульвара – не помню, видать ли их с моря за кленами бульвара; но последний справа наверное видать, Воронцовский дворец с полукруглым портиком над сплошной зеленью обрыва. И лестница, шириной в широкую улицу, двести низеньких барских ступеней; второй такой нет, кажется, на свете, а если скажут, где есть, не поеду смотреть. И над лестницей каменный Дюк – протянул руку и тычет в приезжего пальцем: меня звали дю-Плесси де Ришелье – помни, со всех концов Европы сколько сошлось народов, чтобы выстроить один город».

И в той же повести многообразии бульвара – до этого больше писали о публике «чистой», а у Жаботинского и «портовая нация», и крестьянки или прислуга:

«...няньки водили малышей в детский сад, что ютился под обрывом у самого бульвара; и приказчики и посыльные, с пакетами и без, тут же сновали между городом и портом; и сама портовая нация в картузах и каскетках набекрень, а дамы в белых платочках часто предпочитали, чем тащиться по отведенным для этого

сословия плебейским «балкам» и «спускам», гордо взмыть к высотам прямо из гавани по ста девяносто восьми гранитным ступеням знаменитой лестницы (одно из восьми чудес света) – и наверху мимо статуи Дюка в римской тоге сразу вторгнуться в цивилизацию.

О детском саде на бульваре вспоминал и Валентин Катаев в повести «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона»: «К тому времени на меня уже стали надевать штанишки и мне доставляло большое удовольствие

на глазах у всех ехать в городском omnibusе – так называемой трамкарете – в детский сад, помещавшийся, если мне не изменяет память, где-то недалеко от Дюка, на Николаевском бульваре, рядом с Воронцовским дворцом и его полукруглой колоннадой, как бы повисшей над портом, над пароходами и мачтами парусников, над волноломом, брекватером, Пересыпью с ее белыми бензиновыми цистернами и Жеваховой горой, всегда почему-то туманной и загадочной».

И Катаев описывает бульвар почти в каждой повести об Одессе: и в «Белеет парус одинокий», и в «Разбитой жизни», и в «Уже написан Вертер»:

«К числу главных достопримечательностей города принадлежало чугунное ядро, вделанное в угол цоколя памятника дюку де Ришелье на Николаевском бульваре против знаменитой одесской лестницы, ведущей из города в порт.

Герцог де Ришелье был представлен на памятнике в строго классическом виде: короткая античная туника, голые ноги в сандалиях, рука со свитком протянута в сторону моря, по направлению к Константинополю и его проливам, что имело скрытое политическое значение.

Памятник этот сокращенно называется памятник Дюку и даже еще лаконичнее: просто – Дюк.

Владимир Жаботинский. Автошарж

«...мы вчера встретили его возле Дюка»...

Больше всего меня тревожил вопрос: куда девался осколок гранита, отбитый бомбой? Бомба нашлась, а где осколок гранита? Он должен быть где-то здесь, поблизости. Я был уверен, что найду его среди крупного, отборного морского гравия, которым щедро посыпали дорожки Николаевского бульвара и в особенности площадку вокруг Дюка».

Акации на бульваре уже сменили платаны. Бенедикт Лившиц написал в 1908 году стихотворение « На бульваре»:

Никого, кроме нас... Как пустынна аллея платановая!
В эти серые дни на бульвар не приходит никто,
Вот – одни, и молчим, безнадежно друг друга обманывая.
Мы чужие совсем – в этих темных осенних пальто.

Все аллеи как будто устелены шкурою тигровою...
Это – желтое кружево листьев на черной земле...

А через десять лет Юрий Олеша напишет стихи «Бульвар»:

Над морем умолкающий бульвар
Уходит вдаль зеленою дорогой.
А сбоку здания и серый тротуар,
И все вокруг непостижимо строго.

Здесь тишина. И лестница в листве
Спускается к вечернему покою...
И строго все: и звезды в синеве,
И черный Дюк с простертою рукою.

Вернемся к началу XX века. Уже упоминалось, что на бульваре играли оркестры. Аркадий Аверченко в рассказе «Костя Зиберов»: «С рублем в кармане одессит проведет праздничный день так полно, разнообразно, блестяще и весело, как не приснится жителю другого города и с десятком рублей. С самого утра одессит посидит в кафе, потом пойдет на бульвар послушать музыку и выпить бокал пива».

О музыке на бульваре отзывы кардинально отличались. Вот Петр Сторицын, стихотворение «Одесса»:

Бульвар. И смотрит Дюк упрямо,
Внемля оркестра визг и лай,
Как столиков полярный мрамор
Пятнают кофе или чай.

Да и дирижеры порой были очень экстравагантны. Валентин Катаев:

«В этот год в моде был «Пупсик», песенка из оперетки того же названия. <...> Этот же мотивчик исполнял возле открытого ресторана на Николаевском бульваре между памятником дюку де Ришелье и павильоном фуникулера другой оркестр под управлением еще более знаменитого маэстро Давингофа, который дирижировал, сидя верхом на жирной цирковой кобыле, все время вертевшей крупом и размахивающей хвостом в такт

«Пупсику», причем сам маэстро Давингоф в длинном полотняном сюртуке, в белых перчатках, с нафабранными усами цвета ваксы, со шпорами на коротких сапожках, время от времени привстав в седле, раскланивался со своими поклонницами, местными дамами, высоко поднимая над лысой головой благородного проходимца свой серебристо-белый шелковый цилиндр. Вместо дирижерской палочки у него в руке была ветка туберозы».

Самое полное описание музыкальной жизни бульвара у Леонида Утесова:

«К вечеру на бульваре появляется публика, и начинается бесконечное торжественное шествие «от Думы до Воронцова» и обратно.

Петр Сторицын. Шарж С. Кесельмана. 1910-е

Идут сплошной массой, наступая передним на пятки. Барышни, молодые люди, гимназисты, гимназистки, служащие – все здесь.

Бульвар! Бульвар! Скольких людей ты сделал счастливыми, соединив навеки, и сколько – несчастными, сделав то же самое.

Музыки на бульваре – хоть отбавляй.

В центре круглая оркестровая площадка. Здесь играет духовой оркестр. Справа от него, в ресторане с навесом, – итальянский. Слева, в пивной без навеса, – румынский. Друг другу они не мешают. Играют в очередь.

Духовым дирижирует военный капельмейстер. Иногда, в качестве гастролера, «сам Давингоф». Я вам его нарисую: худой стройный человек. Вертлявый. Черные усы, лихо закрученные «по-вильгельмовски». Маленькая бородка того же цвета. На голове всегда огромный белый колпак, примятый вроде берет.

Он, конечно, музыкант, и, если хотите знать, даровитый. Дирижирует в чрезвычайно оригинальной манере. Движения ритмичны и своеобразны. На месте не стоит.

Пританцовывает, а иногда просто танцует. Его специальность – вальсы, особенно Штрауса. Тут он великолепен. Он выдумщик. Однажды решил дирижировать, сидя на белой лошади. Музыканты были в ужасе. Кончилась затея печально. Лошадь попалась антимузыкальная и при первом аккорде фортиссимо вздыбилась. Всадник свалился.

Правда, в темпе, но лошадь покалечила нескольких музыкантов. <...>

Итак, оркестры играли по очереди. А я метался между ними.

Все три оркестра были хороши, все мне нравились – и задорные румынские скрипки, и задорные, томительные неаполитанские мелодии, и мощные звонкие трубы, игравшие марши, вальсы, увертюры. Весь их репертуар я знал наизусть».

Утесов описывает еще одну достопримечательность бульвара:

«Если стать лицом к морю, то справа – здание городской думы, в классическом стиле. Слева – Воронцовский дворец. <...> С бульвара в порт ведет знаменитая лестница. Рядом с ней – фуникулер. (Если сказать в Одессе это слово – никто не поймет, о чем идет речь. Его просто называют «подъемная машина». Так одесситам кажется

короче и понятней.) Вниз – две копейки, вверх – три. Вниз почти никто не ездит. Зачем? Сойти по лестнице вниз просто удовольствие. Вверх тоже не очень много желающих. У веселых одесситов – крепкие сердца. И подъемная машина – вовсе не золотое дело.

Днем на бульваре немного народу. Но те, что сидят на скамейках напротив «Лондонской» (гостиницы, разумеется), наблюдают «красивую жизнь». «Лондонская» – это шикарно. Здесь останавливаются знатные иностранцы, свои миллиончики, кутилы-воротилы, помещики и другие баловни жизни.

«Лондонская» – еще одна примета бульвара. О ней много написано, но сейчас речь все же о бульваре.

Наступил 1917 год. Революция, Гражданская война, красный террор, эвакуация. И с бульвара наблюдают за судами с тревогой или тайной надеждой.

Иван Бунин, «Окаянные дни»:

«Вот теперь ходим ежедневно на Николаевский бульвар: не ушел ли, избавь Бог, французский броненосец, который зачем-то маячит на рейде и при котором все-таки как будто легче. <...>

Вечером на бульваре. Сперва сидел с женой и дочерью С.И. Варшавского. Дочь читала. Она скаут. На вопросы отвечает поспешно, коротко и резко, как часто барышни ее лет. Розовый серп молодого месяца в тонком закатном небе за Воронцовским дворцом, бледное, нежное, чуть зеленоватое небо, вид этой милой, жадно читающей девочки и опровержение большевистских слухов о Харькове – все болезненно умиляло».

Алексей Толстой, «Ибикус, или Похождения Невзорова»: «...по набережной, мимо герцога Ришелье, все еще двигались уходившие повозки, кухни, пушки, равнодушные зуавы. Здесь, на бульваре, бродили те, кто не мог уехать, и остекленевшими глазами глядели на пароходы, на черные дымы из труб».

Валентин Катаев: «Его поразил вид торгового города, лишенного своей торговой души: вывесок, витрин, банков, меняльных контор, оголенного, без фланирующей публики на тенистых улицах и бульварах», – это двадцатый год, мрачное время террора и расстрелов.

В 1920-м в Одессу приезжает с гастрольями капелла Кирилла Стеценко. И с хористами – молодой поэт Павло Тычина. Запись в его дневнике: «Але спочатку йдемо на море. Чийсь пам'ятник

стоїть до моря спиною. Та це ж Пушкін, сам Пушкін. Чого ж його поставили коло гавані, а не справді десь коло моря? Гавань заважає. Вода широка. Сила є. Але це все-таки приручена вода на прив'язі. Он там далеко, за маяком, погляньте, он яке! Дивимось».

В 1924 он же напишет:

Залузаний бульвар.
Бульчить калюжна плавань.
І Пушкін на стовпі –
пливе у грязь, як в гавань.
Куди ж ти, підожди! –
не хоче говорити.
Внизу сирени рев
і море бурунить.

Павло Тычина

1921 год. Константин Паустовский работает в газете «Моряк». Редакция размещается в доме на бульваре. И все улицы приводят «на бульвар, к Воронцовскому дворцу. Там пышно пылала, зацепившись за старые колонны, настурция и всегда веял – именно веял, а не дул – портовый ветер, солоноватый и свежий. Он наполнил приморские улицы запахом только что вымытых палуб.

Я сядил на парапет над обрывом к порту и некоторое время сидел, закрыв глаза. Так я лучше ощущал на лице дыхание этого ветра. Я различал в нем не только запах палуб, но и акаций, и высохших водорослей, и ромашки, что цвела в трещинах подпорных стен, и, наконец, дегтя и ржавчины».

1921 год. Встречу пяти друзей на бульваре опишет спустя полтора десятка лет Марк Тарловский в поэме «Веселый странник». Вот какой бульвар предстает перед нами:

О юноша, спеши свершить свой взлет
По белым маршам королевы лестниц!

Соседствуя с наместничьим двором,
Там обантиченный застынет герцог,
И бульвар, покрывшийся торцом,
Там станет шумен и фланерски-дерзок.

Улицы, бульвар,
И мы вдвоем, беспечные, как дети.
Влюбленные сидят на парапете, –
Мы, кажется, счастливее тех пар.

1925 год. Молодой редактор ВУФКУ Юрий Яновский позднее опишет Одессу в романе «Майстер корабля»:

«Ми йдемо серединою бульвару в напрямку до східців у порт. Бульвар нагадує клітку зоологічного саду, з якої вивезли звірів і лагодяться її почистити. Ще не повиходили підмітальники, поливальники й чепурії – люди, що мають повне право зневажати нас: вони знають наші гріхи і бруд.

Біля пам'ятника французькому герцогові стеляться вниз широкі східці. Герцог показує рукою своє задоволення з моря й торговельної гавані, що лежить просто перед нами. Він не дивиться ліворуч, де військова гавань, ще ліворуч, де нафтова, праворуч – де тепер царство зерна й шкір, ще праворуч, де за будівлями на молу – є море, й на високому березі – рештки старовинної турецької фортеці.

По східцях ми біжимо вниз, як школярі. Східців є сот за дві».

Лев Славин в розказі «Одесские гасконцы» в концe двадцатых иронически писал о памятниках на бульваре:

Юрий Яновский

Саша Черный

Лев Славин

«Одесские памятники делятся на дореволюционные и пореволюционные.

До: герцог Ришелье, стоящий на бульваре в нижнем белье древнеримского образца, и Пушкин, на бронзовом лице которого застыла гримаса отвращения. Отвращение относится к скульптору, которому удалось сообщить памятнику незабываемое сходство с канцелярской чернильницей.

По: богиня Диана с тремя собачками, воздвигнутая у бульвара на десятом году Октябрьской революции».

А успевшие бежать из Одессы от этой самой революции с грустью вспоминали в эмиграции прошлое, которое издали казалось прекрасным. И разумеется, бульвар. Дон Аминадо, «Поезд на третьем пути»: «...крепко удержать в памяти, на всю жизнь запомнить ослепительную южную красоту, в пышном цвету акации на Николаевском бульваре, бегущие вниз ступени – к золотому берегу, к самому пропитанному солью нестерпимо-синему простору, еще в счастливом неведении грядущих бед».

Саша Черный:

Вперед по лестнице гигантской!
Жара бросает в пот цыганский,
Акаций пыльные ряды
С боков свергаются в сады.
Дополз до памятника «Дюку»...
День добрый, герцог Ришелье!
Щитком к глазам подносишь руку:
Спит море – синее кольцо...
В ребре средь памятника – бомба,
Жужжит кольцом цветник детей,
И грек, исполненный апломба,
Раскрыл, пыхтя, лоток сладстей.

Сажусь у лестницы на кладку, –
Мороженщик снял с круга кадку.
Сквозь Николаевский бульвар
Плывет змея беспечных пар.
Голландский шкипер белоснежный
Склонил к Кармен одесской лоб.
Взлетает смех, как жемчуг нежный,
Играет палкой местный сноб,
Горит над жирным турком феска,
Студент гарцует средь девиц...
Внизу среди морского блеска
Чернь пароходных верениц...
Казачи, статные, как кони,
Кружком расселись в павильоне...
Урядник грузен, как бугай.
Запели... Эх, не вспоминай!

А в Одессе в 1930-е писал сонеты о море Михайло Жук. И в одном из них – «Місячне сяйво» – такие строки:

Над берегом застиг де-Рішельє:
Щось думає чужинець за своє.
Іскриться порт... Бряжчать залізні крани.

Михайло Жук. Автопортрет

Юрий Михайлик

Много написано о Николаевском – Фельдмана – Приморском бульваре. Но закончить хочется строчкой из стихотворения Юрия Михайлика. Тогда, в 1950-е, молодые журналисты в обед гуляли по Приморскому бульвару. И сложились такие строки:

И нету счастья без конца.
А нам его отпущено
От Воронцовского дворца
До памятника Пушкину.

И какое счастье даже сейчас, в дни войны, пройтись по Приморскому бульвару под сенью огромных платанов, бесстыдно белеющих жарким летом!

Об этом времени тоже напишут. И наверняка в книгах и стихах будет он, Приморский бульвар.

